

БЕСЕДЫ С ИННОЙ РУДЕНКО

Маша, внучка Лебедева-Кумача:

Мой дед не был придворным рифмоплетом!

Василий Лебедев-Кумач на встрече с читателями.

На подъезде большого дома у Белорусского вокзала, в котором я живу, висит мемориальная доска: «Здесь жил поэт Василий Лебедев-Кумач. 1937 - 1949 г.»

Была знакома с его женой, очень красивой женщиной с холодноватым лицом. Знала его дочь, приветливую, милую, доброжелательно-простую.

По-соседски близка с внучкой Машей. Как мы с ней шутим, есть у кого кусок хлеба одолжить. Но на этот раз иду в 10-ю квартиру с диктофоном: 5 августа Василию Лебедеву-Кумачу - родоначальнику советской песни, как утверждают музыкальные справочники, - исполнилось бы 100 лет.

(Окончание на 4-й стр.)

Беседы с Инной Руденко

(Окончание. Начало на 1-й стр.)
- Маша, ты ведь родилась, когда Лебедева-Кумача уже не было, как дед вошел в твою жизнь?

- Стучилось это очень рано, наверное, мне было годика три. Когда меня укладывали спать, мама или папа пели мне колыбельную: «Сон приходит на порог» - знаете, в фильме «Цирк» ее поют люди на разных языках, передавая из рук в руки чернокожего малыша? Хорошо помню: родителям надоела петь, они начинают просто мурлыкать мелодию, а я открываю глаза и говорю: «Со словами, со словами». И я знаю - эти слова моего дедушки Васи. Мне было 10 лет, когда я впервые услышала «Священную войну», ее ведь долго не исполняли. Помню свое ощущение - мороз по коже.

Вообще его песни пелись в доме часто. Конечно, не «Широка страна моя родная», а «Капитан, капитан, улыбнитесь», «Сердце, тебе не хочется покоя», «Легко на сердце от песни веселой».

- Все песни Лебедева-Кумача какие-то лучезарно-благотворные. Он что, и сам был таким?

- Для меня дед - фигура трагическая.

- О чем ты? Обласканный властью поэт, орденосиц, лауреат Сталинской премии, депутат - трагическая фигура?

- Обласканный... Очень точно, по-моему, написала об этом Надежда Мандельштам: «...эпоха жаждала точного распределения мест: кому первое, кому последнее - кто кого переплюнет. Государство использовало старинную систему местничества и стало само назначать на первые места. Вот тогда-то Лебедев-Кумач, человек, говорят, скромнейший, был назначен первым поэтом».

Да, был популярен, да, награжден, - но моя мама была уверена, и я с ней совершенно согласна: революция похорошила его лирический талант.

- Поясни, пожалуйста.

- Он начинал как лирик. Сохранились гимназические черные клеенчатые тетради - в них его первые поэтические опыты, переводы из Горация, Катулла. Один из переводов напечатан даже в журнале «Гермес», который в начале века выходил в Петрограде. Он стал бы лирическим поэтом со своим особым голосом. Но...

- Подожди. Гимназия, латынь... Ведь дед был сыном сапожника?

- В начальном городском училище на его способности обратила внимание первая учительница, выхлопотала ему стипендию для поступления в гимназию. Стипендия принадлежала русскому историку Виноградову, который жил в Англии. Однажды он приехал в Москву, устроил экзамен своему стипендиату, гонял его по всем предметам, Вася читал ему на латыни своего Горация, которым был безумно увлечен, и благодетель сказал: «Закончишь гимназию - возьму тебя в Оксфорд». Но Вася закончил гимназию в 17-м, уже было не до Оксфорда.

Но лирику продолжал писать - только никогда ничего не печатал. Моя бабушка говорила, что ушла от прежнего мужа к Василию Ивановичу потому, что тот покорила ее своими стихами. Он создал цикл: «Тебе, о тебе и вокруг тебя». Вот послушайте: «Сумрак сизый стелет ризы в синей прорези окна. Ты, как хрупкая маркиза...» И подпись: «Рождество. 1924 г.»

- За «Рождество» могло и по партийной линии влететь...

- Дед вступил в партию только в 39-м году, когда его избрали депутатом. А вот стихи о Пасхе - 20-й год. Или вот: «Мы дети скорби, гнева и печали...» Или такие строчки:

Не зажгусь холодным пламенем,
По указке не стореть,
Под лянцлым красным знаменем

Бестолково ходит смерть.

Все эти строки публикуются впервые. Я собрала его юношескую лирику - 150 стихотворений, очень хочется ее издать. Такого Лебедева-Кумача не знает никто. Обидно это ужасно.

- Как же случилось, что от такой лирики он перешел к таким песням?

- Ахматова очень точно сказала: стихи притягивают судьбу. После революции вынужденный кормить мать и сестру, он поступил на службу в политуправление Реввоенсовета республики. И в стихах пошла чистой воды публицистика. Потом в журнале «Крокодил» стал писать стихотворные фельетоны на злобу дня, называя себя уже поэтом-сатириком. И все, что писалось лирического, складывалось в стол.

Василий Лебедев-Кумач с дочерью. Публикуется впервые.

Внучка Лебедева-Кумача Маша:

Таким поэта не знал никто

К концу жизни автор песен «Священная война» и «Широка страна моя родная» вдруг замолчал. Почему?

А дома на полках стояли стихи поэтов, которых ценит, - Пастернак, все издания растрелянного большевиками Гумилева, Ахматова, Сельвинский, Бернс, Ростан.

- Выходит, в своих жизне-радостных песнях Лебедев-Кумач был неискренним?

- Известна библейская истина о том, что радость растет из страдания и преодоления. Вот его письмо старшему другу 17-го года: «Как хотел бы я впитать в себя все людские страдания. Как пиявка». Или дневниковая запись того же времени: «У меня есть подсознательная жизнерадостность, которая иногда пробивается наружу, но всегда живет во мне, боря тоску». Он был искренним в своих песнях. Когда кто-то из собратьев по перу упрекал его в том, что его песни преждевременные, не все так в жизни гладко, он говорил: если какой-нибудь хам услышит двадцать раз: «Как невесту, родину мы любим, бережем, как ласковую мать» или «Молодым везде у нас доро-

пел сделать, - передал в окошко, Маршаку, кажется, маленький чехоманчик с запасом папирос и пишущую машинку. Он совсем не походил на начальника эшелона. Был несчастный, растерянный.

И вдруг, рассказывала мама, взгляд его упал на портрет Сталина, висевший на газетном киоске, и глаза у него стали просто белыми. Он был в пиджаке с орденами. И обернувшись к портрету, стал срывать с себя эти ордена, заорал: «Что же ты, сволочь усатая, Москву сдаешь?!» Бабушка, естественно, безумно перепугавшись, кинулась к проходившему мимо военному в форме НКВД: «Помогите, это Лебедев-Кумач, он болен, сошел с ума». Другого выхода-то не было... Деда увели в медпункт. И увиделись они с ним только через полгода.

- Мама с бабушкой уехали в Казань?

- Нет. Они остались в вокзале - эшелон уже ушел. Идти некуда, сюда, в эту квартиру, возвращаться нельзя...

- Почему?

- Управдом сказал, чтоб сняли табличку с фамилией, висящую на двери, - «Я ни за что не ручаюсь». Ведь немцы сбрасывали на Москву листовки: главные враги рейха - диктор Левитан и поэт Лебедев-Кумач. И бабушка с мамой поехали к одной знакомой, на Арбат. Та приняла их очень холодно. Оказалось, уже ждала прихода немцев.

И тогда моя бабушка, которая считалась не очень приспособленной к жизни, проявила чудовищную напористость, и через две недели они уехали с каким-то военным заводом на Урал, в Верх-Нейвинск. И оттуда сразу стали слать телеграммы во все концы - где Лебедев-Кумач? Выяснилось: он в психиатрической лечебнице НКВД в Казани, на Ершовом поле.

Это была страшная больница, она, мне сказали, существует до сих пор, - ни дней посещения, ни дней выписки. Как тюрьма. Когда бабушка все же выбила пропуск и приехала с дочкой в

Казань, дед был в жутком виде. Завиленный, исхудавший - чуть не умер с голоду, перенес инфаркт. Но врач сказал, что психически он здоров. Весной 42-го года они вернулись в Москву, дед сразу стал врататься на фронт, но на фронт его пустили только в 43-м.

- Маша, прости, но я читала у одного современного сочинителя о Лебедеве-Кумаче: «Раздуться от чужой крови насекомое». Некий, наверное, намек на участие его в репрессиях?

- Я посылаяла запрос в ФСБ и получила официальный ответ: ничего дурного за де-

дом не числится. Хорошо известно другое: когда арестовали того же Ротова, Василий Иванович дважды обращался к Вышинскому с просьбой пересмотреть его дело. Он никогда не боялся помогать людям, даже опальным. Публично заступался за Есенина, когда его перестали издавать, поддержал Эйзенштейна, когда раскритиковали его «Ивана Грозного». «Нельзя же говорить, что Шостакович будет звучать лишь через 100 лет», - сказал он о композиторе, когда его музыку называли сумбуром.

Выразителен факт, который приводит в своей книге «Скрещение судеб» исследователь жизни и творчества Марины Цветаевой М. Белкина. Говоря о судьбе Мура, сына Цветаевой, после ее самоубийства, она пишет: «8 октября он записал в дневнике, что обращался за помощью к Эрэнбургу, и тот сказал, что прописать его в Москве нельзя и что его отправят либо обратно в Чистополь, либо в Среднюю Азию. Кто посоветовал Муру обратиться к Лебедеву-Кумачу? Но кандидатура была выбрана удачно... Лебедев-Кумач, по-видимому, был отзывчивым человеком. Он написал Муру бумагу в Главное управление милиции. 11 октября Мура прописали».

Это тот же страшный октябрь 41-го. А ведь Марину Цветаеву именовали тогда белогвардейской поэтессой. Она, кстати, перевела на французский две песни деда.

- Тот же сочинитель написал, что «Священная война» - плагиат. Написана, дескать, еще в 1916 году совсем другим человеком.

- Все эти инсинуации очень тяжело переживала мама, они, думаю, и ускорили ее смерть... Но, слава Богу, она была еще жива, когда известный исследователь военной песни Бирюков, а вслед за ним и газета «Совершенно секретно» опровергли эту не подкрепленную никакими доказательствами ложь.

- А чем ты нападки на Лебедева-Кумача объясняешь, Маша?

- Конъюнктурой. Начало перестройки, крушили тоталитарную систему, а с ней по давней советской привычке и известных людей тех лет.

Иногда хорошим тоном мажорными песнями Лебедева-Кумача озвучивают весь негатив. Рассказывают по телевизору о женщине, которая три дня пролежала мертвой в своей квартире, и звучит песня: «Идем, идем веселые подружки...» Ну и тому подобное. Я часто думаю: бедный мой дедушка Василий Иванович! Он писал, что поэт должен быть «чувствительным» народа. И стал им. Вот и расплачивается за это. Особенно сразу после 85-го года, когда мы все неожиданно «прозрели».

- Сегодня ты как-то сталкиваешься с его песнями?

- Да. Звонят из рекламных агентств с просьбой дать разрешение на использование строчек его песен. Из «Волги-Волги», шутилки куплеты: «Почему я воловоз? Потому что без воды и ни туды и ни сюды». Это реклама минеральной воды. А сыр «Виола», где изображена девушка, рекламируется строчкой песни «Как много девушек хороших». Ваша «Комсомолка» агитирует за подписку словами: «От Москвы до самых до окраин». Я сначала возмущалась - при чем тут какая-то «Виола»? А потом подумала: пусть. Что случилось, то случилось. Значит, песни действительно у всех на слуху и сегодня, спустя более полувека после того, как были написаны.

- Маша, ты так близко воспринимаешь деда, которого никогда не видела...

- Наверное, мне очень повезло: я выросла в семье, где память человеческая считалась едва ли не самой большой ценностью. Поэтому сохранились семейные альбомы, письма почти столетней давности, имена давно ушедших родных. В моей семье все любили и умели писать письма, и, конечно, все с удовольствием рассказывали о своем прошлом, о детстве, о юности. Я знаю имя первой учительницы своего деда, имена его гимназических друзей, даже девичью фамилию моей прапрабабушки.

К сожалению, в юные годы все это кажется не столь уж важным. А теперь я бесконечно благодарна всем моим дорогим, навсегда ушедшим близким за то, что рассказали так много, чем жили, кого любили, кого ненавидели. Есть у меня маленькая надежда, что и мой девятнадцатилетний сын будет кое-что помнить и знать.

Инна РУДЕНКО.

Думаю, Василий Иванович понимал, что похоронил свой лирический талант. Есть письмо, написанное в начале 30-х годов жене с горьким признанием: «Стихи пошли на то, чтоб есть и пить...»

га, старикам везде у нас почет», может быть, на 21-й раз он задумается и хотя бы уступит место в трамвае женщине. Он искренне верил, что такими песнями можно воспитать человека.

- Идеалист?

- Безусловный. Но он верил, понимаете? Бабушка рассказывала, что он радовался, как ребенок, первому своему ордену, говорил, что это аванс, что надо работать еще больше и лучше. Он обожал декады национальных республик, которые тогда проходили, - такое, он считал, братство народов. Был абсолютно счастливым, когда однажды проезжавший по улице Горького духовой оркестр, увидя его, стоящего на балконе, грянул: «Утро красит нежным светом...»

Думаю, людей надо судить по законам того времени, в котором они жили. Теперь нам трудно представить, но ведь песни из «Веселых ребят», первой нашей музыкальной комедии, запрещали сначала петь в школах! Ваша «Комсомолка» писала, что ребята, когда их пели, тайком выставляли дозоры.

- И все же, все же... «Человек проходит как хозяин необъятной Родины своей» написаны в страшные 30-е годы.

- Думаю, знай дед о том времени то, что знаем сегодня мы с вами, он бы и строчки не написал.

- Маш, а не говорит ли тебе сейчас просто родственное чувство?

- Об этом говорят факты его биографии, о которых мало кто знает. Ведь к концу жизни - а умер Василий Иванович, когда ему едва-едва исполнилось 50 лет, - поэт замолчал. Совершенно. Ортодоксальный Алексей Сурков сказал: «Кумач кончился. Он не настоящий парти-

ион». Дед уехал из Москвы и безвыездно жил на даче во Внукове. Даже на сессию Верховного Совета не поехал.

Да, был болен - сердце. Но его письма дочери, моей маме, которые я сейчас подготвила к печати, говорят и о другом: он не хотел работать, как прежде, хотел писать стихи «за тысячу верст от газетчины», серьезную прозу. Чего совершенно не понимала его жена: «Когда же кончится твой творческий застой? Когда же ты начнешь работать?» Иными словами, когда же в доме появятся деньги...

Дед лежал в больнице, уже стал поправляться - и умер как-то внезапно. Незадолго до этого его посетил Фадеев. О чем они говорили? В семье считали, что разговор этот явно не прибавил ему здоровья...

Незадолго до смерти, узнав, что вернулся из лагеря друг его юности, художник Константин Павлович Ротов, дед писал дочери: «Вступать в жизнь ему будет не очень легко - и по личной, и по общественной линии у него будет много горечи и разочарований...»

- А когда эта полоса горечи и разочарований наступила у самого Василия Ивановича?

- Это война. Ее начало. Может быть, даже немножечко раньше - когда слово «фашизм», после пакта Молотова - Риббентропа, исчезло с газетных страниц. Он возмущался этим ужасно.

И вот октябрь 41-го года. Фронт совсем близко. Москва опустела. Числа 14 - 15-го раздаются звонки Фадеева: «Вы назначаетесь начальником последнего эшелона писателей в Казань». Реакция Василия Ивановича была просто жуткая, мама говорила, как он кричал: «Я никуда из Москвы не поеду! Я мужчина, я могу держать оружие!» Но потом позволили из ЦК, сказали, что объявлена всеобщая эвакуация. Для него это было диким потрясением. Что, будут славить Москву?! И вот тогда он сказал бабушке, своей жене, слова, которые часто потом вспоминались в нашем доме: «Как же так? Я же писал: «Наша поступь тверда, и врагу никогда не гулять по республикам нашим» - значит, я все вру? Ну как же я мог так врать? Как же?»

Бабушка вязала узлы, собирала барахло, а он все метался по квартире с Пушкиным в руках - маленькие такие томичи карманного формата... Потом их мама заснула в свой узел.

- У Юрия Нагибина в одной из его последних книг я прочла: в тот день на перроне Казанского вокзала он услышал, что Лебедев-Кумач сошел с ума, срывал с груди ордена и клеймил вождя как предателя...

- Дело было так. Когда семья приехала на вокзал, эшелон был уже заполнен, люди висели на подножках. В тот день выезжал и дипломатический корпус, там жуткое месиво было. Василий Иванович единственное, что ус-

Взгляд его упал на портрет Сталина, висевший на газетном киоске, и глаза у него стали просто белыми. Он был в пиджаке с орденами. И обернувшись к портрету, стал срывать с себя эти ордена, заорал: «Что же ты, сволочь усатая, Москву сдаешь?!»

Где Лебедев-Кумач? Он в казанской психушке...